

**КАЗАНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье раскрыты некоторые особенности деятельности Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделено работе с иностранными поданными и военнопленными, а также изучению настроения населения.

Ключевые слова: Казанская губерния, жандармское управление, Первая мировая война, военнопленные, настроения населения.

Сложное переплетение политических и экономических противоречий привело к началу Первой мировой войны, в которую Россия вступила 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года.

Для жандармского корпуса началась работа в условиях военного времени. Основная задача данного института – охрана государственного строя, борьба с его политическими противниками – оставалась прежней, но она приобрела новые стороны, некоторые из которых мы постараемся осветить в данной статье. Кроме того, жандармам, особенно в начале войны, пришлось заниматься проблемами, имевшими отношение не к политическому противодействию, а в большей степени – к действиям общей полиции. Речь идет о соблюдении порядка во время призыва на службу и поимке дезертиров.

Одна из первых проблем, с которой сотрудники КГЖУ столкнулись, стали беспорядки во время призыва. 21 августа 1914 года на сборном пункте в г. Чистополь было собрано около 8 тыс. запасных. Они начали требовать открыть винные лавки и продавать водку, одну винную лавку разбили. С помощью жандармского унтер-офицера И. Михеева зачинщики были задержаны и арестованы. 23 и 24 августа запасные были направлены из Чистополя в Казань и на пути подожгли 8 стогов сена и сторожку помещика Лебедева, разбили окна и похитили часть кухонной посуды в имении товарища министра иностранных дел Наратова и под угрозой поджечь имение забрали у управляющего 300 руб. и продолжали бесчинствовать на дальнейшем пути. Унтер-офицер И. Волков был одним из тех, кто активно выявил зачинщиков¹. Впоследствии подобные массовые эксцессы не повторялись.

Еще одна новая проблема для КГЖУ в годы войны – поиск и выявление дезертиров. Иногда помогали случайные обстоятельства и быстрота действий жандармских чинов. Так, 18 ноября 1914 г. вахмистр И. Николаев, находясь в казанском трамвае, оказался рядом с тремя пожилыми женщинами, которые осуждали некоего «Сашу», сбежавшего со службы. Разговаривая между собой, они назвали адрес его матери, и вахмистр тотчас же поехал туда и выявил дезертира².

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 174 об. – 175, 188.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

В приказе начальника КГЖУ по итогам 1915 г. отмечаются 30 унтер-офицеров и вахмистров, которые задержали по одному и более дезертиров³.

Практически сразу же чинам КГЖУ пришлось столкнуться с проявлениями бдительности, подозрениями в адрес отдельных лиц, которые вели себя, по мнению свидетелей, весьма сомнительно. Казанский губернатор и начальник КГЖУ в середине сентября 1914 г. получили донесения соответственно от полицмейстера и пристава 6-й части г. Казани. П. Д. Гусев, капитан парохода «Игорь», следовавший 7 сентября от Казани в Свяжжск и обратно, наблюдал, что четверо пассажиров 1-го класса при подходе к Свяжжску вышли на палубу и стали смотреть с помощью бинокля в сторону железнодорожного моста через Волгу. Капитан якобы услышал обрывок фразы «моста... шесть быков...», что показалось ему подозрительным. Пароход в Свяжжск из-за мели не заходил, и пассажиры выходили в 4 верстах от города, а через 2 часа судно отправлялось обратно в Казань. Один из четверки пассажиров вернулся и последовал в столицу губернии. Другой пассажир видел, что, вернувшись в Казань, этот подозрительный человек ходил по лугам, смотрел в сторону моста, что-то записывал. Свяжжский стражник Семенов узнал, что это профессор Казанского университета Н. Г. Пиотровский. Начальник КГЖУ в рапорте на имя губернатора от 17 сентября отметил, что он не придает серьезного значения изложенным фактам и предлагает дальнейшее производство прекратить⁴. В сентябре же правоохранительными органами были получены сведения о событиях, происходивших на другом пароходе – «Григорий» с еще одним пассажиром 1-го класса, потомственным почетным гражданином И. Г. Шадриним. 13 сентября пристав 6-й части г. Казани направил в ГЖУ полицейское дознание, возбужденное им по заявлению капитана парохода И. В. Яшина. Последний сообщал, что Шадрин вышел на палубу и подошел к нескольким запасным чинам, находившимся там, и якобы стал говорить, что их везут прямо в яму, приготовленную Германией. Немцы в войне победят, потому что у них лучше оружие и снаряжение, а германские солдаты более подготовлены. Пароходу лучше бы здесь затонуть⁵. После начал дознания Шадрин был заключен под стражу, затем у жандармерии и прокурора окружного суда возникли разногласия о продлении срока задержания. В ходе следствия оказалось, что доказать обвинительные слова в адрес Шадрина нет больших оснований, кроме того, возникло подозрение, что на него мог быть сделан и наговор одним из нижних чинов, поскольку в свое время Шадрин отказал ему в денежной помощи. Обвиняемый также убеждал следствие, что это недоразумение. К. И. Калинин высказал свое мнение о прекращении переписки по этому делу без всяких последствий для И. Г. Шадрина⁶.

Но не все подозрения оказывались лишеными серьезных оснований для действий внимательных граждан, общей и политической полиции. В Казанской губернии произошло выявление реального вражеского шпиона, отставного штабс-капитана Киндельского, задержанного в августе 1914 г. крестьянином Лаишевского уезда Ф. Богаткиным. Бывший военнослужащий, находясь недалеко от места

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5764. Л. 1–3.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5766. Л. 1–1 об.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5764. Л. 2–5, 19–26 об.

дислокации воинских частей, стремился получить информацию о количестве войск, их передвижении. Во время обыска в присутствии понятых у него был обнаружен блокнот с зашифрованными записями. Оказалось, что Киндельский за три дня до ареста прибыл в Казань из Вены якобы для проведения этнографических исследований. После тщательного расследования с соблюдением всех уголовно-процессуальных действий, в котором непосредственное участие принимали местные жандармы, Казанский военно-окружной суд 23 декабря 1914 г. признал Киндельского виновным в военном шпионаже, а 26 января 1915 г. он был повешен [1].

В начале войны своеобразно проявился патриотизм населения: в ходе манифестаций в столице страны произошло несколько разгромов магазинов иностранцев и нападение на посольство Германии. Весной 1915 года массовые погромы против немецких предпринимателей имели место в Москве. В их ходе уничтожались торговые заведения и другие учреждения, принадлежавшие лицам с фамилиями, трактуемыми как иностранными. Подобные настроения в отношении немцев и евреев были характерны и для других губерний России, о чем свидетельствует циркуляр Департамента полиции от 21 мая 1915 года. В нем отмечено, что крайнее озлобление некоторой части населения в отношении евреев вызвано стремлением последних воспользоваться неблагоприятным экономическим состоянием рынка и повысить цены на предметы первой необходимости. Кроме того, речь шла и о шпионской деятельности некоторой части евреев. В связи с этим перед губернаторами и жандармскими управлениями была поставлена задача недопущения погромов, с одной стороны, и ведения наблюдения за настроением населения и пресечения самыми решительными мерами антиеврейской агитации – с другой⁷.

В Казани в 1915 году начали распространяться слухи о погроме немцев. Губернатор в связи с этим принял решение о закрытии торгово-промышленных заведений, руководимых немцами. 4 июня от агента Случайного № 38 были получены сведения, что в связи с этим опасаться погромов нет оснований. В то же время он сообщал, что начали циркулировать слухи о погроме евреев, поскольку они будто бы оказывают немцам услуги шпионского характера, а также доставляют им продовольствие и другое⁸. По мнению начальника КГЖУ К. И. Калинина, в Казани в это время настроение было такое, что «нужна была небольшая искра, чтобы вспыхнул погром и пострадали бы не одни только немецкие торгово-промышленные предприятия. Он сообщал в Департамент полиции, что главноначальствующий губернии принял необходимые меры, чтобы никаких выступлений допущено не было⁹.

Как сообщали жандармские агенты, значительных антиеврейских настроений не было, хотя проявления их и наблюдались. Например, в Казанском университете в осенью 1915 г. произошел раскол между студентами из-за конфликта, вспыхнувшего между студентами-медиками. Агент Казанцев сообщал, что на занятиях в анатомическом театре студент-еврей пришел не в свое время и надел один

⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1059. Л. 11–11 об.

⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1517. Л. 31.

⁹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 28–28 об.

из специально выделяемых для этого халатов. Как отмечается в документе, студент 4-го курса, христианин по конфессиональной принадлежности, остался без халата, который ему не отдавал студент-еврей. Первый обозвал второго «жидом», в результате тот обратился в университетский суд чести. Но студенты раскололись на два лагеря, были моменты, когда можно было ожидать кулачной расправы¹⁰. Проблема усугублялась и тем, что в Казань были направлена часть студенчества из западных губерний, Польши, среди которых было много евреев и поляков, по некоторым данным, доля евреев в составе Казанского университета стала составлять около 25 %. В университете распространялись слухи, что студентов-христиан будут отправлять в школы прапорщиков. Поскольку евреи не могли быть офицерами, то их такая участь не ожидала. Это также вызывало недовольств остальных студентов¹¹. Негативное отношение к еврейскому населению подогревалось и мнениями о том, что они больше сочувствуют немцам, чем русской армии. В мае 1915 года один из секретных агентов КГЖУ сообщал, что настроение среди интеллигенции Казани в связи с военными неудачами в Галиции грустное, угнетенное. В то же время «еврейско-немецкий элемент проявляет подчас скрываемое злорадование»¹². Такое донесение можно было трактовать и как сочувствие немцам, и как форму проявления недовольства действиями царского правительства, но сам факт таких настроений в годы войны воспринимался неоднозначно.

С началом войны возросла активность секретных агентов, специализировавшихся на работе по панисламизму и пантюркизму. Среди донесений встречаются имена не только двух агентов, действовавших ранее, но и трех новых. В то же время основная часть донесений приходила в КГЖУ от наиболее опытных из них. Если до начала войны за 1914 г. донесений было 17, то за последующих 5 месяцев, то есть с августа по декабрь, от секретных агентов в КГЖУ было направлено еще 29 документов¹³. Но это не означает, что усилилась конкретная деятельность по этим направлениям. В донесениях имеется общая характеристика настроений татарского населения. Например, в августе и сентябре 1914 г. агент «Житель» сообщает, что неудачи русских войск воспринимаются некоторыми татарами если не с радостью, то во всяком случае без печали. В октябре 1914 года он сообщает, что некоторые мусульмане рассуждают о том, что если христиане в войне друг с другом ослабеют, то это на руку мусульманам. Он же в этом месяце сообщал, что настроение некоторых учеников татарской учительской школы далеко не патриотическое, некоторые рады военным успехам немцев, тех, кто идет добровольцами на войну, называют дураками¹⁴. Но, повторим, реальные действия в этих донесениях не освещены. В ноябре 1914 года начальник КГЖУ К. И. Калинин направил в Департамент полиции 2 перевода статей из газеты «Юлдуз», в которых, на наш взгляд, ничего крамольного нет. Наоборот, в одной из них речь идет о том, что, несмотря на войну, исламские проблемы остаются, а жизнь мирная

¹⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 57 об. – 58.

¹¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1517. Л. 100–100 об.

¹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 27.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Д. 74, ч. 28, литера Б. Л. 70.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Л. 34, 35, 38, 49 об., 53.

вернется и мы будем жить в России¹⁵. О том, что проблем с точки зрения внедрения идей панисламизма и пантюркизма практически не наблюдалось, свидетельствуют материалы, направленные в Департамент полиции. В отчете начальника КГЖУ, направленном руководству 19 ноября 1915 г. отмечается, что среди татар нет организованных кружков националистов (пантюркистов)¹⁶. К такому же выводу можно прийти и изучив материалы всех 46 донесений секретных агентов. В бланке донесения имелся раздел «Что сделано» и в каждом донесении отмечено, что наблюдение продолжается. В некоторых донесениях проставлена запись, что о событии доложено губернатору. Сведений о «формальных», т. е. официальных, дознаниях не имеется.

В годы войны работе с иностранцами, особенно с поданными государств, с которыми Россия воевала, а также с военнопленными, в губернских жандармериях придавалось большое значение. Были изданы циркуляры Министерства внутренних дел и постановления Сената, ограничившие передвижение и права подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в России. С конца июля 1914 года мужчины – поданные Германии и Австро-Венгрии – считались военнопленными, которых необходимо было арестовывать и отсылать в определенные места. С осени 1914 года для германцев и австрийцев, находившихся в России, местами высылки были определены Астраханская, с декабря – Саратовская губерния [2, с. 139–144].

Военнопленные находились под наблюдением. В случае отправки как поданных, так и военнопленных в другие места жительства унтер-офицеры на местах должны были сразу же сообщать об этом, под контролем должна была находиться и их переписка. Но не всегда этот контроль осуществлялся квалифицированно. Например, унтер-офицер Ядринского жандармского пункта А. Козелков сообщал, что 13 января 1917 г. из города по распоряжению губернатора выбыли 2 германских поданных в Саратов для постоянного проживания. В ответе помощника начальника КГЖУ ему было сделано внушение, что необходимо не только указывать количество убывших, но и сообщить их фамилии и имена, что А. Козелков и выполнял в течение полутора месяцев, оставшихся до Февральской революции¹⁷. Иногда военнопленные шли на различного рода уловки, чтобы ослабить контроль за собой. В этом им иногда помогали местные жители. Например, 24 июля 1916 г. в г. Козьмодемьянске городская управа пригласила военнопленных переводчика К. Альфельди и инженера Э. Богатого исполнить некоторые работы на городском водопроводе и др. В сопровождении конвойного они отправились на извозчике к лесничему А. С. Сапожникову и зашли к нему в дом. Лесничий предложил конвойному остаться на улице, что было нарушением правил, но тот остался. Продолжительное время пленные находились в доме у Сапожникова, до тех пор, пока гуляющая публика не напомнила конвойному о его обязанностях. Затем за городом, на месте постройки водопровода, военнопленные прогуливались, беседовали с женой и детьми Сапожникова, чем возмутили гуляющих граждан.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 9(1914). Д. 74, ч. 28, литера Г. Л. 5.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 1915. Д. 167, ч. 28. Л. 14 об. – 15.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 376. Оп. 1. Д. 12. Л. 11, 16, 21, 23.

После дознания воинский начальник арестовал К. Альфельди на 7 суток, а конвойного поставил на 32 часа под ружье¹⁸.

8 ноября 1916 года унтер-офицер Л. Степанов сообщал в управление, что при разборе корреспонденции в Цивильской почтовой конторе в конверте, адресованному А. Г. Косолаповой, был обнаружен конверт на имя военнопленного поручика Коперта, который жил у нее на квартире. В сообщении отмечено, что она передает письма другим военнопленным, которые живут у нее в доме без уведомления полиции. В то же время унтер-офицер получал от нее сведения о военнопленных. Руководство из Казани попеняло ему, что он принимал ее сведения на веру, а она вводила его в заблуждение¹⁹.

Оценивая ситуацию с военнопленными в целом, начальник КГЖУ еще в ноябре 1915 г. сообщал в Департамент полиции, что, проживая открыто среди крестьянского населения пропаганду против России не ведут, но при каждом удобном случае говорят, что у них на родине то или иное устроено лучше. А военнопленных теперь можно видеть везде: они работают на фабриках и заводах, мелких предприятиях, парикмахерских, метут улицы и т. д.²⁰

Руководству КГЖУ во время войны часто приходилось проверять донесения полицейских чинов, собственных агентов по делам, связанным с оскорблениями императора и его семьи, и давать заключения о продолжении их или прекращении. В некоторых случаях предлагалось и применять наказание за предоставление неверных сведений. Например, в декабре 1914 г. из канцелярии губернатора начальнику КГЖУ поступило сообщение об оскорблении императора германскими поданными в г. Цивильске. Полицейский надзиратель писал начальнику губернии, что крестьянин Ф. И. Рогожкин сообщил ему о произнесении оскорбительных слов в адрес императора со стороны его сожительницы А. К. Цыпленковой и ее квартирантов германских поданных Л. Лукашевича, С. Клишевского и других. Зам. начальника КГЖУ поручил проверить сведения унтер-офицеру Л. Степанову и в письме губернатору сообщал, что нет никаких доказательств подобных действий со стороны всех упомянутых лиц. В жандармерии пришли к выводу, что Ф. И. Рогожкин действовал голословно и лживо, и учитывая переживаемое время ходатайствовали о наложении на него административного взыскания²¹. С нарастанием тяжелого положения населения, неудачных действий русских войск на фронтах критические настроения масс нарастали, что грозило расширением деятельности революционного и общественного движения.

Более заметное место в деятельности жандармов с первых месяцев войны стало занимать выявление настроения народных масс, отношения к высшему руководству, в первую очередь, к императору и императорской семье. В документах КГЖУ сохранилось немало дел, связанных с этим направлением его работы²².

В апреле 1915 года Департамент полиции принял решение об отслеживании настроения населения и общей ситуации в губерниях и предложил ряду жандармских управлений, среди которых было и Казанское, представлять один раз в два ме-

¹⁸ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 84–85.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 375. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–15 об.

²⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1524. Л. 1–2.

²¹ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 1–2.

²² ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 19.

сяца сводные записки со сведениями о подобных процессах. Схема сбора материалов была организована традиционно. С мест жандармские унтер-офицеры один раз в месяц представляли рапорты, в которых отвечали на вопросы, интересовавшие вышестоящее руководство. Они, в свою очередь, использовали материалы, полученные от полиции, местных должностных лиц, своих информаторов. В КГЖУ также регулярно поступали сведения от секретных агентов. Они нередко изобиловали общими материалами, не представлявшими как оперативного, так и стратегического интереса. В дальнейшем проходило обобщение полученных данных, и в начале июля К. И. Калинин направил первый отчет о ситуации в губернии. Он отмечал в целом спокойную ситуацию, но, судя по его замечаниям, она достигалась не только в целом положительным отношением населения к власти, войне, но и действиями властных структур. Как было отмечено выше, антинемецкие и антиеврейские настроения в губернии, прежде всего в Казани, имели место. Обобщая донесения агентов, К. И. Калинин отмечал, что немцы, даже будучи поданными России, к русским относятся недружелюбно, то же относится и к евреям. Говоря о мусульманском населении, он писал, что внешне оно вполне лояльно и всецело на стороне русских. Но, ссылаясь на сведения, полученные от «хороших источников», он считал, что мусульмане «втайне сочувствуют немцам, которые являются союзниками турок, братьям по крови и по вере наших поволжских мусульман». Основывался этот вывод на полученных от цензурных органов двух писем немцев, проживавших в татарских деревнях в Казанской и Уфимской губерниях, и писавших о положительном отношении к ним и Германии простых татар²³. На наш взгляд, для такого серьезного вывода двух писем было недостаточно, но сам факт влияния веры на отношение к правительству и воюющим государствам отрицать нельзя, тем более что с продолжением войны тяготы населения возрастали.

Если первые донесения в Департамент полиции составлялись по определенной схеме, но не были структурированы, то в последующем в текстах появились разделы, которые в основном были постоянными, но в перечень могли быть включены и новые в связи с определенными событиями. Схемы докладов направлялись из Департамента полиции, и их разделы охватывали практически все основные сферы, к которым сотрудники ГЖУ имели профессиональный интерес²⁴.

С большим основанием можно утверждать, что руководство жандармерии имело достаточно полное представление о тех направлениях экономической, социальной и политической жизни, которые могли вызвать осложнения для государства, привести к серьезным вызовам со стороны оппозиционных сил. Как уже отмечалось выше, перечень вопросов мог дополняться вновь возникающими сюжетами. Например, в сообщении КГЖУ с отчетом о событиях в губернии в ноябре–декабре 1915 г. большое внимание уделено ситуации в студенческом сообществе, что вполне объяснимо, поскольку учебный год был в самом разгаре. Также в этом документе подробнее проанализирована ситуация с прессой, издаваемой на татарском языке. Давая оценку ситуации в губернии, К. И. Калинин, отмечает, что успехи на фронте прибавляют бодрости в тылу, усиливают веру в успехи

²³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 31–32.

²⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 33–48 об.

России на фронте. Начальник КГЖУ отметил вредное влияние столицы на провинцию, поскольку, отмечает он, в Петрограде настроения самые унылые, пессимистические. Одним из самых проблемных вопросов, по его мнению, является рост цен, спекуляция. Он пишет: «спекулируют все, кто только может, начиная от банков, заводчиков, подрядчиков, поставщиков и кончая мелким лавочником». В качестве примера он привел случай со знакомым, который покупал свечи в связи с пожаром на городской электрической станции, случившемся 2 декабря 1915 года. В известном в Казани магазине его люди приобрели стеариновые свечи по цене 50 коп. за фунт. В тот же день знакомый начальника КГЖУ решил еще докупить свечей, но они уже стоили по 80 коп. за фунт. К. И. Калинина удивило еще и то, что это происходит в городе, где находится стеариновый завод бр. Крестовниковых, поставляющий стеариновые свечи чуть ли не на всю Россию²⁵.

В последующих отчетах руководство жандармского управления отмечает нарастание недовольства условиями жизни, главным образом из-за дороговизны. Как отмечается в одном из документов ГЖУ, «не так население боится войны, как надвигающейся с каждым днем дороговизны жизни. В этом отношении ровно ничего не сделано...». Как сообщал один из агентов, «среди жителей Казани – негодование по поводу дороговизны». Люди смотрят на торговцев как на своих врагов и нельзя исключать случаев потенциальных погромов. 27 июня 1916 года в Рыбной слободе Лаишевского уезда во время базара в основном женщинами были разгромлены лавки трех купцов. Губернатор одного из торговцев за вздутие цен выслал из Казанской губернии, а 20 женщин и 7 мужчин были арестованы на 3 месяца²⁶.

Попытки нормативного регулирования цен чаще всего не приносили результата. В документе приводится случай, когда крестьянин, живущий в пригороде Казани, привез на рынок более двух ведер молока, но когда узнал, что власти установили на молоко фиксированную цену, то не стал его продавать, а вылил на землю²⁷. В обзоре за август–сентябрь 1916 года отмечено, что внешне в Казанской губернии все спокойно, однако утомление войной заметно увеличивается и сказывается во всех слоях общества, как городского, так и сельского. В уездах при мобилизации будущих воинов о каком-либо патриотическом подъеме уже нет речи²⁸. В то же время отмечается, что организованная революционная деятельность практически не ведется. Отправка воинов, в том числе и по этой причине, происходила спокойно, без эксцессов, как это было, например, в марте 1916 г. в Козьмодемьянском уезде, о чем сообщал в Казань унтер-офицер И. Михеев²⁹.

В целом можно констатировать, что сотрудники КГЖУ владели объективной ситуацией о положении в губернии, о настроениях различных социальных групп населения. В их отчетах, представляемых в Департамент полиции, присутствует широкий круг вопросов, выходящий за рамки только правоохранительной деятельности. Речь идет об экономике, социальной жизни, национальных вопросах и пр., то есть тех сфер, проблемы которых в основном лежала за рамками компетенции жандармского управления. Его руководители отмечали нарастание пессими-

²⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022. Л. 79–79 об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 48–48 об.; Д. 20, ч. 28, литера Б. Л. 34.

²⁷ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. Л. 11 об. – 12, 91.

²⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. Л. 90; ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 245 (1915). Д. 167, ч. 28. Л. 54.

²⁹ ГА РМЭ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–40 об.

стических настроений, недовольства ухудшающимися условиями жизни и пр. Словом, складывалась ситуация, когда могли возникнуть открытые проявления протеста, возможно вначале не антиправительственные, а против спекуляции, дороговизны. Прекрасно иллюстрирует этот тезис отношение начальника КГЖУ в Департамент полиции, отправленное 1 января 1917 года. Опираясь на агентурные сведения, он сообщает о критическом настроении, охватившем все слои населения губернии. Уважение к власти, в первую очередь у молодежи, падает с каждым днем, порицание членов императорской фамилии – дело заурядное. Другой агент доносил, что настроение общества в Казани «повышенное», огромное большинство его настроено против правительства, чего никто и не скрывает, говорят об этом совершенно открыто. Газеты левого направления «в большом ходу». Создается нервное напряжение, подогреваемое дороговизной жизни. В войска проникают не только либеральные, но и откровенно левые взгляды, свободомыслие заметно среди учеников фельдшерской школы при Казанском военном госпитале, среди чинов окружного интендантского управления и 2-й запасной артиллерийской бригады³⁰.

При всей осведомленности о складывающейся ситуации предпринимать что-то конкретное жандармы не могли, обстановка требовала действий со стороны правительства, императора. Их информационное обеспечение со стороны жандармов было достаточно полным и объективным.

Библиография

1. *Кашанов Р., Козина А.* Шпионы первой мировой. Как в Казани задержали первого разведчика // Аргументы и Факты / АиФ – Татарстан. 2014. 29 июля. № 31. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/1220357>
2. *Семенова Е. Ю.* Отношение горожан Поволжья к гражданскому немецкому населению в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 139–144.

S. I. Boyko

THE KAZAN`S GENDARMERIE DURING THE FIRST WORLD WAR: SOME OF THE NEW DIRECTIONS OF ACTIVITY

The article reveals some features of the activity of the Kazan provincial gendarmerie administration during the First world War. The focus is on working with foreign citizens and war prisoners and, as well as studying the mood of the population.

Keywords: Kazan province, a gendarme administration, First World War, war prisoners, a mood of the population.

³⁰ ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 247 (1917). Д. 20, ч. 28, литера Б. Л. 1–3 об.